

БЗ.3(2)46

В 75

ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА



Александр
Воронцов-
Дашиков



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1433

(1233)

Александр Воронцов-Дашков

ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА

ЖИЗНЬ ВО ВЛАСТИ И В ОПАЛЕ

- 104436 -

ЦИТАЛЬНИЙ ЗАП

МУК ЦВС

г.Протвино



МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2010

УДК 94(47)(092)“17”
ББК 63.3(2)46
В 75

*Перевод с английского
Михаила МИКЕШИНА*

*Перевод осуществлен по изданию:
Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova: A Life of Influence and Exile.
Philadelphia, American Philosophical Society, 2008*

ISBN 978-5-235-03295-8

© American Philosophical Society, 2008
© Микешин М. И., перевод, 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

ОТ АВТОРА

Я хочу выразить благодарность многим ученым, архивистам и библиотекарям из России, Украины, Франции, Англии, Ирландии и США, которые долгие годы помогали мне в исследованиях. Никто не выражал такого интереса к моей работе и не следил за ее продвижением с большим вниманием, чем моя жена Екатерина Михайловна, несколько раз прочитавшая ранние редакции книги. Выпускница колледжа Смит и его преподаватель, она является специалистом в области женского образования; она помогла мне осветить и прояснить многие темные места текста, а мои дети и внуки терпеливо выслушивали мои бесконечные рассказы о Дашковой. Профессора Гита Хаммарберг и Михаил Микешин также прочитали рукопись и высказали ценные замечания и рекомендации относительно ее содержания. Я благодарен также Воронцовскому обществу России, особенно Вячеславу Удову и Владимиру Алексею, за неустанное изучение истории моей семьи. Из тех, кто внес вклад в осуществление этого проекта, я приношу особую благодарность профессорам Мэри Данн и Ричарду Данну, исполнительным директорам Американского философского общества, за их интерес к жизни и трудам Дашковой, а также Мэри Макдональд за профессиональное редактирование этой книги.

Все даты указаны в соответствии с оригинальными документами. Следовательно, даты по старому стилю (юлианскому календарю), который в XVIII веке отставал от нового стиля на 11 дней, не переводились в григорианский календарь. В некоторых случаях, особенно в дипломатической корреспонденции, указываются обе даты. В целях отличия героини книги от других членов семейства Воронцовых она всегда именуется Дашковой, даже в описании времени до ее замужества.

2008, Корнуолл, штат Вермонт

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать шестого января 1781 года Бенджамин Франклин* покинул Отель де Валентинуа, свою пышную резиденцию на берегу Сены в парижском пригороде Пасси. Он отправился в экипаже в Отель де ля Шин в районе Марэ, где жила русская княгиня Екатерина Дашкова. Как представитель мятежных колоний, он надеялся встретиться с женщиной, которая сыграла важную роль в свержении законного наследника российского трона и которая, по рассказам современников, произвела фурор в собрании «синих чулок» в Лондоне**. За много лет до этого английская поэтесса и переводчица Элизабет Картер писала Элизабет Монтегю, «королеве синих чулок» и борцу за образование женщин: «Я думаю, вы знаете, что княгиня Дашан (*sic*), которая в девятнадцать лет выступала с речами перед войсками и была главной движущей силой революции, сейчас находится в Англии. Она обладает весьма необычными талантами — ездит верхом в сапогах и мужском платье и во всех своих манерах и склонностях соответствует этой одежде... Она также танцует по-мужски и, как мне кажется, появляется в мужской одежде так же часто, как в той, что соответствует ее полу»¹.

Для стареющего Франклина, страдавшего от фурункулеза и подагры, поездка по неровному бульварнику парижских улиц оказалась трудной и к тому же напрасной, поскольку Дашковой не было дома, и он был вынужден приехать к ней еще раз через неделю.

В результате их встречи вечером в субботу 3 февраля 1781 года Дашкова была избрана первой женщиной — членом Фила-

* Выдающийся американский политик и ученый-энциклопедист Бенджамин Франклин (1706—1790) в 1776—1785 годах занимал должность посланника США в Париже. (*Прим. ред.*)

** Во второй половине XVIII века в Англии существовали салоны «синих чулок» (*Blue Stocking*), где собирались дамы, интересующиеся наукой и социальными проблемами. Таких дам иронически называли «синими чулками»; позже это прозвище стало применяться к эмансипированным женщинам, принципиально не выходящим замуж. (*Прим. ред.*)

дельфийского (позже Американского) философского общества, президентом которого являлся Франклин. Соответственно, Франклина избрали первым американским членом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, директором которой в то время была Дашкова². Дашковой, редко хвалившей мужчин, Франклин сразу понравился своим блестящим умом и скромными манерами. С первого взгляда она заметила его пренебрежение к моде, гладко причесанные ненапудренные волосы, очки на самом кончике носа и свободный простой сюртук — одежду, которую предпочитала она сама. Дашкова считала Франклина «выдающимся человеком, который соединял глубокое знание с простотой во внешности и манерах и, наряду с непритворной скромностью, проявлял большую снисходительность по отношению к другим» (179/169)³. Франклин, любивший компанию образованных женщин, в свою очередь, написал Джорджине Шипли, что получил «очень доброе письмо от мадам Щербининой, которая, как и ее мать княгиня (Дашкова. — А. В.-Д.), мне очень нравится»⁴.

Франклиновская оценка Дашковой была необычайно сдержанной и серьезной, притом что суждениям большинства ее современников не хватало объективности⁵. Ее достижения то высоко оценивались, то страстно осуждались, и такие несопоставимые оценки ее жизни ярко демонстрируют всю ограниченность и предубеждения той эпохи. Многие стремились вознести ее на Парнас своими гиперболами и нарочитыми панегириками. Те, кто искал ее расположения, особенно превозносили ее изобретательный ум, блестящее образование, необычайную энергию и великодушие по отношению к друзьям. Другие несправедливо ставили ее к позорному столбу и смешивали с грязью, указывая на ее скардность, тщеславие, гордыню, вспыльчивость, амбициозность и любовь к интригам. Как и Франклин, Хорас Уолпол* «жаждал увидеть эту амазонку, которая приняла столь большое участие в революции, когда ей еще не было и девятнадцати». Когда они встретились, его оскорбительная характеристика стала в своем роде типичной: «Итак, я уже видел княгиню Даскиофф (*sic*), а на нее очень даже стоит посмотреть — не из-за ее лица, хотя для чистокровной татарки она не так уродлива; ее улыбка приятна, но в глазах — свирепость Катилины»⁶.

Чаще всего современники Дашковой считали ее эксцентричной и нелепой, поскольку ее привычки больше соответствовали представлениям XVIII века о поведении мужчин. Граф

* Хорас Уолпол (1717—1797) — английский писатель и критик, создатель жанра готического романа. В своих дневниках описывал жизнь светского общества.

де Сегюр зафиксировал придворные сплетни о стремлении Дашковой занять высокие государственные посты и ее надеждах на место в Сенате или, по крайней мере, на командование полком гвардии. Он писал, что в некоторых отношениях она была похожа на мужчину: например, носила, как видно на портретах, одежду наподобие мужской, что вполне сочеталось с ее грубыми мужеподобными чертами лица, и «лишь по случайной, прихотливой ошибке природы она родилась женщиной»⁷. Французский авантюрист Шарль Франсуа Массон в своих мемуарах соглашается с тем, что она была «мужчиной по своим вкусам, облику и деяниям»⁸. Как и Сегюр, Массон утверждал, что Дашкова претендовала на звание полковника, а великий поэт эпохи Гавриил Державин уверял, что она искала назначения в Сенат, и охарактеризовал Дашкову как честолюбивую женщину, добивавшуюся места при государыне⁹.

Вероятно, самое злое и унижительное описание Дашковой принадлежит тому же Державину, который был многим обязан ее покровительству и все же считал ее характер «вспыльчивым или, лучше, сумасшедшим»¹⁰. Чтобы отметить ее назначение президентом Российской академии, он сочинил поздравительную поэму «К портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой, во время президентства ея в Академии Наук». На портрете Дашкова сидит на стуле, ее академическое облачение перекинута через спинку, а у ног ее стоит глобус. Она просматривает тома изданного ею «Словаря Академии Российской». Короткое стихотворение описывает ее поддержку Екатерины и иронически намекает на то, что Державин воспринимал как мужеподобность Дашковой:

Сопутницей была,
Когда с небес на трон
Возсестъ Астрея шла;
А ныне — Аполлон.

Еще более откровенное, хотя никогда открыто не выраженное, отношение продемонстрировано в оскорбительных виршах на тот же портрет, найденных в бумагах Державина и приписываемых его перу. Несомненно циркулировавшие среди его друзей к всеобщему их удовольствию, они озаглавлены «На портрет Гермафродита»:

Сей лик:
И баба и мужик¹¹.

Явные или неявные аллюзии Державина на «мужеподобность» Дашковой, как и отзывы ее современников, отражают ее уникальность и самобытность. Именно потому, что она бы-

ла столь нетипична для того времени, жизнь Дашковой представляет собой одну из первых попыток женщины достичь успеха и признания в мире, в котором почти полностью доминировали мужчины. Как выдающаяся образованная женщина в России XVIII века, она была исключением, главным образом потому, что имевшийся у нее выбор был характерен именно для мужской жизни. Александр Герцен, впервые издавший автобиографию Дашковой на русском языке, возможно, был первым, кто оценил ее достижения в свете истории русской женщины. Он писал, что «Дашковой русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России»¹². Следуя его примеру, В. В. Огарков объявил Дашкову пионером борьбы за равенство женщин и «пленным духом», сражавшимся за новые перспективы для женщин России¹³. Николай Добролюбов, радикальный «гражданский» критик, также пишет об оригинальности Дашковой: «Более серьезно, нежели все окружавшие ее, проникнутая просвещенными идеями, умея вносить их в самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы в самом деле быть полезною для других, она стояла гораздо выше современного ей русского общества»¹⁴.

В самом деле, как общественный деятель, писатель, музыкант, покровитель искусств и организатор науки Екатерина Романовна Дашкова (урожденная Воронцова) была первой женщиной-политиком современного типа в России и одной из первых женщин в Европе, занимавших государственный пост. В лице Дашковой русская женщина, не рожденная в правящей, царской семье, впервые взяла на себя активную роль на политической арене и стала на некоторое время главой науки и образования в своей стране. В 1783 году Екатерина II назначила ее директором Академии наук, и в том же году Дашкова основала Российскую академию и стала ее президентом. В течение почти двенадцати лет она возглавляла эти два престижных академических учреждения России. Благодаря своему образованию, заграничным путешествиям и сочинениям она стала ведущей фигурой, познакомившей Запад с русской культурой XVIII века, а Россию — с французским Просвещением. Она активно боролась за осуществление реформ в России, за новые подходы в образовании российского юношества. Дашкова считала образование и распространение просветительских идей главным делом своей жизни и связала свое имя с целым рядом ведущих организаций высшего образования. Она была членом не только Американского философского общест-

ва, но также петербургского Вольного экономического общества, берлинского Общества естественной истории, Ирландской королевской и Королевской Стокгольмской академий.

Сама Дашкова особо ценила активность, самостоятельность и расширение знаний в самых разнообразных областях. Она была прекрасной писательницей, публиковала переводы Гельвеция, Юма, Вольтера, статьи по образованию, сельскому хозяйству, о путешествиях и пагубном влиянии французской культуры. Другие ее сочинения включали заметки по случаю, речи, а также большое эпистолярное наследие, часть которого была посмертно опубликована в «Архиве князя Воронцова»¹⁵. Кроме того, она писала афоризмы, очерки, стихи, травелоги, пьесы и автобиографию. Ее работы появлялись в различных журналах, часто под псевдонимом «Россиянка», и поскольку она печаталась анонимно, многие тексты все еще требуют атрибуции. В академии она выпустила многотомный «Словарь Академии Российской», приняв живое участие в его составлении и написании. Она была одной из первых российских женщин, работавших как профессиональный редактор и издатель, и осуществляла публикацию нескольких литературных и научных журналов, печатавших статьи ведущих интеллектуалов того времени. Более того, она была настоящим натуралистом, интересовавшимся садоводством, ландшафтной архитектурой и парками. За многие годы она собрала большую коллекцию минералов. Она любила сочинять и исполнять свою музыку, и как серьезный музыкант она собирала и аранжировала русские народные мелодии.

Дашкова более всего известна автобиографией *Mon histoire* (часто переводимой как «Записки»), которая является ее наиболее значительным литературным достижением и до сих пор остается ценным источником для изучения политических интриг, социальных условий, культурной жизни и гендерных ролей в России во второй половине XVIII столетия. Описав дворцовый переворот 1762 года, свои заграничные путешествия и работу во главе двух академий, она закончила «Записки» в 1805 году в возрасте 62 лет, за пять лет до смерти. Они представляют собой конечную оценку пожилой женщиной ее карьеры и семейной жизни, позволяя, возможно впервые, заглянуть за ее многочисленные маски и напускные обличья. Поскольку Дашкова обещала Марте Вильмот в письме от 27 октября 1805 года ничего от нее не скрывать, она вверила своей подруге тайные чувства, которые нигде более не желала обнаруживать или признавать. Она описала свое прошлое как «горестную жизнь, на протяжении которой пришлось таить от мира страдания сердца; остроту этой боли не может притупить гордость и по-

бороть сила духа. Обо мне можно сказать, что я была мученицей — и я не побоюсь этого слова, ибо скрывать свои чувства или представляться в ложном свете всегда претило моему характеру» (35).

Чувство умолчания, неудовлетворенности и скованности пропитывает «Записки» Дашковой, но нигде оно не высказано с такой ясностью и силой, как в этом письме.

В «Записках» Дашкова изменяет свой голос так, что автобиография становится чем-то вроде маскарада, и открывающего, и скрывающего присутствие рассказчика за прошлыми и сегодняшними масками. Когда она начала описывать свою жизнь, она представляла себе ее как ряд воображаемых образов, основанный на различиях ролей: от дерзкой и авантюрной до обыкновенной и ожидаемой, от мечты о победе и освобождении до реальности отчуждения и изоляции. В конце книги ссылка Дашковой, несмотря на многие ее достижения, на Север России добавила к всегда свойственному ей чувству неудовлетворенности жизнью прямогу и непосредственность восприятия. Главным источником депрессии, которой она страдала с детства, были ощущения обиды и одиночества, возникавшие, когда ее раз за разом изгоняли из Петербурга или когда она проводила годы за границей.

Все существующие исследования жизни Дашковой недостаточно критичны и слишком доверчиво следуют часто ненадежным биографическим и историческим свидетельствам, представленным Дашковой в «Записках». По большей части они не принимают во внимание ее борьбу за независимость в мужском мире как черту, определявшую ее жизнь и сочинения, мечты и стремления, успехи и поражения. Прежде всего, Дашкова раскрывает свою жизнь через смену многочисленных масок, построение рассказа и индивидуальный, субъективный взгляд. Поскольку «Записки» являются плодом самопредставления и самоутверждения, а не исторической истиной в последней инстанции, постольку гендер становится главным фактором, определяющим попытку автора создать письменный образ своей жизни¹⁶.

И в частной, и в общественной жизни Дашкову определяют ее неотъемлемые свойства — энергичность, решительность в словах и действиях, сила характера. В результате «Записки» носят по преимуществу полемический характер и фундаментально пересматривают и драматизируют события 1762 года. Дашкова часто писала, прямо отвечая на современные ей описания жизни Екатерины, такие как сочинения Рюльера, Кастера и др. Со времени описываемых ею событий до момента создания «Записок» прошло более сорока лет, и ее решение сформу-

лировать и предъявить миру оправдание своего прошлого было попыткой определить «правильное» место княгини Дашковой в истории.

Она предлагала читателям объяснение своей поддержки Екатерины и ее действий, лишивших трона законного наследника. Она отрицала наличие каких-либо конфликтов с Екатериной, поскольку к концу жизни снова, как и в юности, обожествляла покойную императрицу и нападала на всех, кто бесчестил ее память. Ее «Записки» — тщательная инсценировка исторических фактов, а их литературное воплощение — не столько история, сколько объяснение действий автора, причем в центре событий всегда находится сама Дашкова. Она раскрывает свою жизнь предельно субъективно, поскольку подбирает и организует прежде всего те материалы, которые проясняют и определяют ее личность. Она стремится представить читающей публике цельный автопортрет, несмотря на все противоречия и несоответствия, с которыми она сталкивалась и у себя дома, и в обществе.

Однако наибольшая ценность рассказа Дашковой заключается именно в его субъективности. Как пишет Г. М. Хайд, ««Записки» Дашковой обладают всеми недостатками массовой автобиографической литературы. Они неполны, пристрастны и неточны; они преувеличивают значение одних частностей и преуменьшают роль других; им не хватает стройности, и самые важные содержащиеся в них фактические утверждения требуют проверки по авторитетным источникам. Следовательно, их надо читать с осторожностью, но все равно их стоит прочесть»¹⁷.

Предупреждение Хайда о неполноте и неточности «Записок» очень уместно. История жизни Дашковой не может быть оценена правильно без обращения к архивным материалам, содержащим сведения о ее карьере и частной жизни, включая детали быта, семейные проблемы и суждения ее врагов и близких друзей.

В первом десятилетии XIX века ее друг Кэтрин Вильмот была острым, внимательным и часто критическим наблюдателем жизни русской усадьбы, где проходили последние годы Дашковой. Проведя в доме княгини несколько лет, Вильмот заключила, что дать точное описание Дашковой почти невозможно: «Она настолько оригинальна и сложна, что результатом будет описание клубка противоречий человеческой природы. Без сомнения, она из той же плоти и крови, что и мы, но тем не менее рассмотрение отдельных ее черт не даст никакого представления об их совокупности. Любое обобщение мигом уничтожит индивидуальность... Княгиня переменчива, как погода, в душе

ее собраны воедино волнующиеся океаны и разрушительные огнедышащие вулканы, дикие пустыни и скалы (-/301)».

«Полюса» души Дашковой стали результатом ее влияния при дворе, последующего изгнания и личных трагедий. Они были следствием ее образования, семьи, класса, ранга, положения в обществе, придворной политики и многих других факторов. Однако видимые противоречия в ее самопредставлении, необходимость маскировать свое истинное мнение и несоответствие между «Записками» и ее настоящей жизнью выявляются главным образом ее осознанием своего гендера и умением использовать его в свою пользу при исполнении различных ролей. Два портрета маслом определяют разнообразие и крайности ее поступков и опыта — ее мечты о публичном успехе и реальности ее изгнания. Первый является работой Дмитрия Левицкого, академика и любимого портретиста екатерининского двора; он был человеком религиозным и в конце концов примкнул к масонству. В идеализированном изображении Левицкого Дашкова стоит прямо и крепко, неколебимо встречая взгляды зрителей. У нее тяжелые веки, внимательный, проникающий взгляд и плотно, решительно сжатые губы. В ее волосах мало пудры, но щеки сильно нарумянены, высокая, хотя и не слишком, прическа открывает лоб в согласии с тогдашней модой. Одетая в элегантное платье из дорогой импортной ткани с рукавами-буф и тонкими кружевами, как и положено кавалерственной даме и фрейлине двора, она изображена с красной лентой ордена Святой Екатерины и миниатюрным портретом императрицы с голубой лентой. Это официальная Дашкова, влиятельная женщина во власти, о которой Кэтрин Вильмот писала: «Полагаю, она была бы на своем месте во главе государства, или занимая пост генералиссимуса или министра сельского хозяйства. Да, она была рождена для больших дел, и это не противоречит жизни женщины, которая в 18 лет возглавила революцию, а впоследствии в течение 12 лет управляла Академией наук» (-/301).

Автор второго портрета — Сальваторе Тончи, итальянский поэт и художник, приверженец агностицизма и метода картезианского сомнения. В изображении Тончи Дашкова предстанет перед нами в одежде изгнания и оппозиции — одежде, которую она предпочитала в конце жизни. Теперь она выглядит невысокой, сутуловатой, скрытой под ее любимым темным мужским пальто, застегнутым слева направо. Ее лицо напряжено и устало, без всяких следов косметики, а взгляд лишен смелости и вызова. Скорее, он задумчив, озабочен и направлен внутрь. На шею она повязала, как символ дружбы, платок, подаренный много лет назад Кэтрин Гамильтон. Стильная при-

ческа исчезла, и на голове ее красуется нечто, напоминающее ночной колпак. Не фрейлина более, она сняла все ленты и портреты, оставив только медаль ордена Святой Екатерины, одинокое свидетельство важнейшего события ее публичной жизни, переворота 1762 года, и напоминание о ее чувствах к Екатерине II.

Дашкова стремилась примирить свои действия с ощущением своего «я». Так же, как и на двух портретах, она совместила в «Записках» классическую структуру разума и самоконтроля в публичной жизни с мотивами власти и влияния, а сентиментальный акцент на чувствах и эмоциях в личной жизни — с мотивами депрессии, болезни и изгнания. Она была полна решимости сформулировать и рассказать свою собственную историю, несмотря на множество противоречий, реализовать во всей полноте свою индивидуальность и открыть свое предназначение за пределами установленных ролей. Ее трагедия, выраженная в «Записках», письмах и других сочинениях, состояла в том, что она не могла реализовать свои мечты и ожидания в общепринятых нормах женского поведения XVIII века. Но так же, как переодевание в форму офицера придало Дашковой власть и авторитет во время переворота 1762 года, ее автобиография стала решительным возвращением на публичную арену — своего рода риторическим переодеванием¹⁸. Несмотря на существовавшие социальные условия, ограничивавшие Дашкову в течение ее жизни, она стремилась открыть новые пути для выхода подавляемой энергии. В результате ее усилий, проявленных как в жизни, так и в сочинениях, она нашла, прояснила и определила образ действия, идентичность и гендер для себя и для других женщин.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----|
| От автора | 5 |
| Введение | 6 |
| Часть первая. РАННИЕ ГОДЫ (1743—1763) | |
| <i>Глава первая.</i> Образование и просвещение | 16 |
| <i>Глава вторая.</i> Заговор | 39 |
| <i>Глава третья.</i> Переворот | 61 |
| Часть вторая. ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ (1763—1782) | |
| <i>Глава первая.</i> Изгнание | 84 |
| <i>Глава вторая.</i> Первое путешествие за границу | 107 |
| <i>Глава третья.</i> Второе путешествие | 134 |
| Часть третья. ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ (1782—1794) | |
| <i>Глава первая.</i> Академия наук | 162 |
| <i>Глава вторая.</i> Российская академия | 188 |
| <i>Глава третья.</i> «Ученая дама» | 206 |
| Часть четвертая. ОПАЛА (1794—1810) | |
| <i>Глава первая.</i> Отчуждение | 228 |
| <i>Глава вторая.</i> Троицкое и Коротово | 246 |
| <i>Глава третья.</i> Последние годы | 268 |
| Эпилог | 289 |
| Примечания | 294 |
| Список сокращений | 320 |
| Основные даты жизни и деятельности Е. Р. Дашковой | 321 |
| Краткая библиография | 323 |